

Пурцхванидзе О.В.,

*кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, философии и права
Одесской национальной академии пищевых технологий*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа основных подходов к проблеме смерти в современной философии, показано, что они не ограничиваются исключительно постмодернистским дискурсом, а предполагают и классические интерпретации. Показано, что дальнейшее исследование проблемы смерти возможно на пути синтеза уже существующих философских подходов с учетом ее междисциплинарного характера.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс, субъект, смерть, танатология.

Проблема смерти занимает одно из центральных мест в системе философского знания. И даже несмотря на то, что некоторое время назад она, возможно в силу мировоззренческих предпочтений, а возможно из-за своего междисциплинарного характера, находилась на периферии собственно философских исследований, интерес к ней не угасал с самого момента возникновения философии. А когда в конце XX века появилась танатология (наука о смерти), как раздел медицины, изучающий состояния умирания, при этом претендующая на статус фундаментальной смысложизненной парадигмы современного общества, философские исследования получили новый импульс дальнейшего поиска ответов на вопросы связанные с метафизикой, гносеологией и аксиологией смерти. Более того, сегодня формируется новая практика общения со смертью в противовес традиционным практикам, новая эвтаназийная парадигма, порождающая индустрию смерти [1]. Претендуя на статус единственно возможной науки о смерти, поглощая собою любые философские размышления, танатология переводит последние скорее на уровень технологии умирания, лишает смерть «бытийной тайны», видит в ней только способ поиска путей комфортного ухода из жизни современного человека, забывая о смерти как о месте, через которое человеку и открывается подлинный смысл его бытия.

К числу причин обусловивших актуализацию темы смерти сегодня можно отнести, на наш взгляд, и саму специфику философского постмодернистского дискурса. Так, провозглашая «смерть субъекта», отказываясь от веры в человека как целостное единство его сущностных сил, рассматривая смерть как «голый аргумент

абсурда вне каких-либо философских и нравственных осмыслений» [2] постмодерн стимулирует обращение и интерес к теме смерти, как в самой культуре, так и в философии.

С одной стороны мы наблюдаем стремление философов-постмодернистов изъять смерть из бытия человека, представить ее чем-то внеположенным ему. С другой стороны, смерть, как писал А.Шопенгауэр, остается поистине гением вдохновителем, музagetом философии [3], она мыслится как конституирующее начало внутреннего бытия человека, начало, делающее это бытие осмысленным, целостным, подлинно человеческим (Г.С. Батищев, В.В. Варава, П.П. Гайденко, П.С.Гуревич, Л.Е. Балашов, Ю.Н. Давыдов, Д.И. Дубровский, А.С. Кирилук, В.А. Кутырев, Н.Н. Трубников, М. Мамардашвили, И.Т. Фролов С. Хоружий и др.). При этом самим представителям постмодернизма не удастся оставить тему смерти. Она заставляет их вновь и вновь возвращаться к себе, пусть и как к «голому» аргументу абсурда. Как пишет А. Демичев, несмотря на то, что постмодернистский дискурс «не терпит занудства, ...атлетических напряжений метафизической мысли» проблема смерти остается его любимым детищем и забавой» [4, с. 69]. Ведь, «...трагизм, лежащий в самом факте смерти, - смерти наших близких и нашей собственной, является вечно присущим человеческой жизни как таковой» [5, с. 17].

Известно, что постмодернизм, претендуя на философские обобщения и всячески при этом критикуя их, настаивает на несостоятельности подходов к человеку как целостному и укорененному в бытии феномену, как субъекту познания и деятельности. Культура постмодерна, которая, по словам С. Денисова, характеризуется децентрированностью, равенством и анархией ценностей, бесцельностью, плюральностью, женским началом, деконструкцией, разрушением, неопределённостью, номадичностью, поверхностностью, детерриториальностью, скольжением, коллажем, игривостью, детскостью [6] порождает и новые образы человека. Симулякр, номад (кочевник), шизоид нигде и никак незакрепленный, скользящий по поверхности, парящий над любой идеологией, мировоззрением, способный в своей свободе расширять и даже преступать границы культурного

разумного бытия. Именно такой человек, полагает Ж.Делёз, способен к созиданию новых идей, движению в новых горизонтах бытия, вне общественно-культурных канонов. Ведь шизофреник не боится стать безумным и ни на что не просит позволения [7]. Что и есть условием креативного потенциала человека и его свободы.

Постмодернистский проект номадологии (Делёз, Гваттари) должен был стать по замыслу авторов решением проблемы исчерпанности интерпретационного потенциала классической метафизики. Новые интерпретации, должны основываться на номадической модели мировидения. Ризоматичность (аструктурность), децентрированность - главные характеристики мира, характеристики, которые и предполагают, как отмечалось выше, и новое видение человека. Номад — это не классический человек. Он лишен центра (Я), подобен ризоме, не представляет собой целостность, реализующую себя во всей полноте и единстве сущностных сил. Что касается внутреннего центра человека, его субъективности, то представители постмодернистского дискурса (Ж.Делёз, Ф. Гваттари, М.Фуко и др.) рассматривают представление о «Я», как представление параноидального буржуазного сознания. На самом деле оно виртуально, «в самой глубине субъективности нет никакого «я», зато есть необычное сочетание, некая идиосинкразия, тайный шифр...» [8, с.162].

Децентрированное и открытое для терризации пространство порождает и соответствующий образ децентрированного человека. Более того, как отмечают Делёз и Гваттари, сама современность подводит нас к необходимости номадизма, формирует нового человека — номада. Ведь в условиях глобализации, информационно-телекоммуникационных сдвигов, внедрения во все сферы человеческого бытия Сети Интернет возникает новая реальность, реальность медиа, которая при кажущейся структурированности ризоматична и децентрирована. Как пишет В. Савчук: «Мировой порядок и соответствующие ему формы коммуникации демонстрируют, что действительность в основе своей — в бытии сущего — становится потоком информации, главными носителями которой являются электронные и цифровые медиа» [9]. А современный человек, живущий в мире гаджетов, компьютеров и дигитальных образов из субъекта познания и деятельности превращается в коммуниканта, по словам В. Савчука «...актуальная медиакоммуникация оказалась... ресурсом, приведшим к непредсказуемым и непредвиденным конфигурациям, рождающим... новый тип субъекта коммуникации — коммуниканта...» [10]. Коммуникант — тот же номад, и как номад — результат смерти картезианского субъекта. Номад сопротив-

ляется пониманию себя как суверенной «мыслящей вещи», «...он постоянно норовит ускользнуть от догмата «чистого мышления». Он непрестанно заявляет о своей чувственности, телесности, иррациональности, подверженности историческим трансформациям. Он норовит «сойти с ума», т.е. перестать быть «мыслящим», упасть в инакомыслие как безмыслие. И только насилие, принимающее подчас самые жесткие формы, заставляет его оставаться *res cogitans*. Субъект — это уже не человек, а некая гипотетическая «норма», шаблон, под который должны быть подогнаны конкретные индивиды» [11, с.46] .

Понятно, что при таком подходе к миру и человеку абсолютно иным становится подход к смерти как проблеме философии. Ведь не фундированный ни в физической реальности, ни в социальной сфере номад, кочевник, дивант, коммуникант не может быть определен через отношение с внеположенной ему реальностью, через себя самого. А потому смерть перестает быть его смертью.

Следует, однако, отметить, что «смерть субъекта», его низложение в постмодернистском дискурсе не привели к утрате интереса философии к проблеме смерти. Как верно с доброй долей иронии пишет С.В. Роганов: «Смерть - одна из самых любимых сплетен современной культуры - ни о чем теперь, пожалуй, не разносят столько «недоброжелательных или порочащих слухов, на основании неверных, неточных и измышленных сведений» [12]. Она продолжает волновать умы философов. Но по-новому (постмодернистски) рассматриваемый человек по иному мыслит смерть, а философия несмотря ни на что, оставаясь «эпохой схваченной в мысли» пытается ее постичь. Ибо, как бы мы не старались лишить смерть ее законного места в системе философского знания, она «... бешено пляшет, словно шарик на невидимой рулетке миллионов судеб, и никто не может предугадать, куда она упадет - красное или черное, чет или нечет, жить или умирать, убивать или жертвовать» [12], смерть снова и снова заставляет философию наполняться вечностью ее проблем. Поэтому вполне можно согласиться с мыслью В.Варавы о том, что современная культура в целом и философия в частности характеризуются «танатологическим ренесансом», к проблеме смерти обращаются представители различных отраслей знания. «Дискурс смерти приобретает тотальные формы. Идея смерти и умирания человека обрамляет все размышления о современной культуре, в результате чего смерть из тайны превращается в обыденный факт культуры» [1]. Как уже отмечалось, следствием постмодернистского дискурса смерти стало то, что он с одной стороны стимулировал размышления о смерти в собственных

рамках, собственной парадигме, а с другой стороны активизировал сторонников классических принципов философствования, рассматривающих смерть как феномен наполняющий смыслом жизнь человека. Кроме того, как отмечает В.Варава: «Сейчас стало возможно вторгаться в некогда запретные зоны человеческого бытия. Появился проект “геном человека”, привлекий к себе внимание широкого круга ученых из различных областей. Это не случайно, ведь целью этого проекта является расшифровка «генетического кода», обещающая невероятные, подчас чудовищные, возможности» [2].

Логика осмысления смерти основывающаяся на принципах классического философствования выстраивается на том, что видит в смерти «дар», который хотя и отягощает и омрачает праздник земной жизни, дает почувствовать остроту его вкуса в полной мере [13]. Данное видение смерти раскрывается в дуалистической и монистической парадигмах. Где для дуалистической парадигмы характерно рассмотрение смерти явленное с самых начал философии (Платон). Это различение двух уровней бытия человека: настоящего и истинно сущего, незыблемого и вечного, к которому и должен стремиться человек. Так или иначе, интерпретируемая смерть в платоновской традиции виделась и видится как некий переход от плана эмпирического существования человека к трансцендентному, как момент саморазвития трансцендентальной субъективности (Кант, Гегель). Что же касается монистической парадигмы (Спиноза), то здесь смерть мыслится как «имманентизированная» субстанция» [13]. На наш взгляд данные традиции не исчерпали себя, о чем свидетельствуют исследования, например В.В. Варава, который предлагает подход к смерти в ее этическом аспекте. Так он пишет, что смерть вне нравственного отношения к ней «делает бытие человека шатким, если не совсем безосновным и бессмысленным, а значит, открывает дорогу патологическим формам морального зла, цинизму и мизантропии». Более того «...ни строго научное изучение смерти (в рамках медицинской танатологии), ни тем более псевдонаучное (в современной эзотерике) не смогут помочь современному человеку пережить «глубокую и мучительную трагедию» существования и обрести достойный нравственный смысл жизни. Нравственная философия смерти - реальная альтернатива всем посясторонним практикам общения со смертью [1]. И «... если человеческому роду фатально предназначено овладеть бессмертием (сигналом чему — недавние сенсационные открытия американцев относительно геной защиты клеток от старения), то единственным шансом сохранить человеческое,

возможно, останется самоубийство, принятие смерти, как возможности, чья определенность познается страстным желанием» [4].

Не мене глубоки мысли о смерти, нашедшие свое проявление в концепции смерти православного ученого и философа С. Хоружего, основанной на традиции восприятия смерти как нравственного недолжного (Г. Флоровский, Л. Шестов, С. Трубецкой, С. Булгаков и др.). Так он пишет: «Ядро всей обширной, многообразной икономии отношений человека со смертью — первичная негативная реакция сознания и организма, всего существа человека на собственное уничтожение: органический и произвольный импульс отталкивания, неприятия смерти как собственного абсолютного небытия, конца-уничтожения, тотальной аннигиляции субъектного мира» [14, с.95].

Эксплуатация темы смерти в постмодернистском дискурсе приводит иногда к нежелательным последствиям в культуре, например, к появлению некропрактик. Такие практики детально описываются в книге В. Мазина «Кабинет некро-реализма и Юфит». Сам автор посвящает эту книгу художнику, фотографу, кинорежиссеру Е. Юфиту — вдохновителю некро-реализма, а скорее некро-реализму, подступам к представлению непредставимого, смерти в ее парадоксальной неповторимости и повторяемости [15, с. 9]. Ярким примером чему может стать описание в названной книге одной из таких практик — «Зураб». Зураб — имитация мужчины среднего роста. Он в свое время был выкраден из съемок ... судебно-медицинской экспертизы. В зависимости от ситуации его одевали в разные военные или гражданские костюмы. Однажды Зураба без брюк в пиджаке и шапке сбросили с чердака в месте, где было много прохожих. «В момент падения «Зураб» громко ударился об асфальт, и, отпружинив несколько раз подпрыгнул. Из парадной к нему ринулась группа мужчин с камнями и палками, после чего стала его избивать, пока не осознала, что перед ними всего лишь имитация человека» [15]. Все это снималось на кинокамеру, оператором, который оставался незамеченным. Вывод, к которому приходит В. Мазин, следующий: наличие трупа еще не есть самой смертью. Его демонстрация, некропрактика это «... не только искусство, но своего рода отношение к жизни (при вопрошании о смерти), проявляющееся, как в регулярной, произвольной, так и в ритуальной или символической практике» [15, с. 57]. Появление подобного рода практик было обусловлено и тем, что, как отмечает Ф. Арьес, тема смерти вытолкнута из коммуникативного пространства современной западной культуры. Жители мегаполиса избегают думать и говорить о смерти, теряют навыки соболезнования

родственникам умерших, и сразу после потери кого-либо из близких человек оказывается в коммуникативном вакууме — знакомые, не зная, как себя вести, предпочитают ограничить контакты.

Подобным образом рассуждает и А. Демичев, который полагает, что современное отношение к смерти чаще всего обнаруживает себя в своеобразном феномене — «китче смерти». Однако его завлекательная конструкция тут же рассеивается энергией грубого и непоправимого вторжения смерти ближнего. «Массовидное вторжение смерти в повседневность по кино- и телекоммуникационным каналам, тиражирование и мультиплицирование ее визуальных симуляций профанируют ее гуманистический статус, индивидуальность и личностную значимость» [4, с. 71].

На наш взгляд подобное отношение к смерти обусловлено еще и тем, что смертный не может быть свободным, даже вопреки стараниям представителей постмодернистского дискурса изгнать смерть из жизни современного человека, никак незаинтересованного в осмыслении последней как неустраняемого факта собственного бытия. «Свобода и смерть несоединимы абсолютно, потому что смерть есть величайшее из всех возможных видов рабства» [16, с. 85]. Должно быть, именно поэтому номад — кочевник — это тот, кто в состоянии обрести свободу, преступив каноны, границы культурного разумного бытия. Ибо свобода только так и возможна, полагают представители философии эпохи постмодерна.

Как видим, решение проблемы смерти в постмодернистском дискурсе не представляется возможным. Всем своим существованием он демонстрирует борьбу с желанием обратиться к наработкам метафизических интерпретаций или на худой конец утолить жажду в некропрактиках, подогреваемых современными научными исследованиями в данной области.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, смерть как феномен, как сфера «фундаментальной неопределенности и неопределяемости» остается одним из наиболее важных предметов интереса философского дискурса, о чем говорит возродившийся сегодня к ней интерес как на уровне теоретического, так и эмпирического подходов к последней.

Во-вторых, несмотря на «смерть субъекта», провозглашенную современной философией и нашедшую свое проявление в постмодернистском дискурсе в новых интерпретациях человека как номада-кочевника, шизоида, дивианта, коммуниканта лишённого центра «Я», а потому никак не рассматривающего смерть как свою собственную, более того вытесняющего последнюю за преде-

лы собственного существования, смерть остается предметом пристального внимания как в постмодернистском дискурсе, так и в философских исследованиях, опирающихся на классические интерпретации мира и человека в нем.

В-третьих, постмодернистский дискурс стимулировал дальнейшее осмысление проблемы смерти, ее метафизики, гносеологии и аксиологии в границах классического философствования, что говорит о неисчерпаемости его интерпретаций.

В-четвертых, отказ от смерти как внутрисположенного феномена бытия человека приводит самого его к различного рода практикам, как то некропрактика, «китчу смерти», что в своем основании чревато негативными последствиями и нивелирует в человеке человеческое. Ибо, только осознавая свою собственную смертность человек, остается существом, способным преступать границы телесного, биологического существования.

В-пятых, подступы к решению проблемы смерти возможны на пути синтеза имеющегося философского дискурса в купе с классическим анализом последней и при учете ее междисциплинарного характера.

Литература:

1. Варава В.В. Смерть как проблема нравственной философии (на материале русской философской культуры XIX-XX веков): автореф. дисс. на соискание научн. степени доктора филос.наук: спец.: 09.00.05 «Этика»/ В.В.Варава. — Тула, 2005. — 31 с.
2. Варава В.В. Современная российская танатология (опыт типологического описания)[Эл.ресурс]/ В.В.Варава//CREDONEW теоретический журнал. — №3. — Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/490/57/#_edn24
3. Шопенгауэр А. Избранные произведения /Артур Шопенгауэр. — М.: Просвещение, 1992. — 479 с.
4. Демичев А. Тематичность смерти. Дискурсы и концепты. / Андрей демичев// Memento vivere, или Помни о смерти. /Сб. статей. Под общей ред. В.Л. Рабиновича и М.С. Уварова. - М.: Academia, 2006, с. 54-76.
5. Франк С. Свет во тьме / Семен Франк. — М.: Белорусский экзархат, 2011. — 832 с.
6. Денисов С.Ф. Библийские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: учеб пособие / С.Ф. Денисов. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. — 216 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
8. Делез Ж. Критика и клиника /Ж. Делёз; [пер. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина]. — СПб., 2002. — 239 с.
9. Савчук В.В. Неизбежность медиафилософии [Электронный ресурс]/ В.Савчук. — Режим доступа: <http://www.intelros.ru/pdf/mediaphilosophy/01.pdf>.
10. Савчук В.В. Коммуникант-эпифеномен коммуникации [Эл.ресурс] — http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_communicant/
11. Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии»// Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». — 2008. — № 2 — с.45-53.
12. Роганов С.В. Метафизика смерти [Электронный ресурс]/С.В. Роганов. — Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x4689.htm>

13. Панов С.В. Проблема смерти в философии: онтологический аспект. автореф. дисс. на соискание научн. степени канд. филос.наук: спец.: 09.00.01 «Социальная философия»/ С.В.Панов.- Москва, 2002.- 30 с.

14. Хоружий С.С. О старом и новом / С.С.Хоружий. — Спб.: «Алетейя», 2000. — 495 с.

15. Мазин В. Кабинет некрореализма. Юфит и / В.Мазин. — Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998 — 170 с.

16. Эрн В.Ф. Социализм и проблема свободы / В.Ф. Эрн//Новая жизнь.- 1907. — №2. — С.85-86.

Пурцхванідзе О.В. Деякі аспекти проблеми смерті в сучасній філософії. — Стаття.

Анотація. В статті здійснено спробу проаналізувати основні підходи до проблеми смерті в сучасній філософії, продемонстровано, що визначені підходи не вичерпуються виключно постмодерністським дискурсом, а передбачають і класичні інтерпретації. Вказано, що подальше дослідження проблеми смерті можливе лише на шляху синтезу вже існуючих філософських підходів з врахуванням її міждисциплінарного характеру.

Ключові слова: постмодерністський дискурс, суб'єкт, смерть, танатологія.

Purtskhvanidze O. Some Aspects of the Problem of Death in the Contemporary Philosophy. — Article.

Summary. The author of the article makes an attempt to analyze basic approaches towards the problem of death in contemporary philosophy. The article demonstrates that these approaches are not restricted by postmodern discourse and can be interpreted in classic ways. It shows that further study of the problem of death can be done by synthesis of existing philosophical approaches taking into account its interdisciplinary character.

Key words: postmodern discourse; subject; death; thanatology.